

**Н.А. Моисеева,
А.Г. Шипилов**

Воплощение аристотелевской концепции дружбы и верности (на примере отношений с Александром)

В статье анализируются этическая теория и политическая концепция Аристотеля; на примере его отношений с Александром Македонским рассматривается проблема сохранения верности в дружбе. Авторы приходят к выводу, что теоретические умозаключения философа вступили в противоречие с его реальной политической деятельностью.

Ключевые слова: этика; дружба; верность; Аристотель; Александр Македонский.

Исследование жизни и сочинений Аристотеля дает материал для размышления над общечеловеческими философскими и этическими проблемами, встававшими перед людьми во все времена и в разных странах: как нравственному человеку действовать в реальных ситуациях, до каких пределов следует соблюдать прежние обязательства, сохранять верность другу или правителю.

В «Этиках» философ определяет цель жизни — стать добродетельным человеком: справедливым, мужественным, щедрым, правдивым, великодушным и т. д. Известно, что декларируемые тем или иным мыслителем этические нормы очень часто оказывались благими пожеланиями и не рассматривались их автором как прямое руководство к действию. Между умозрительными конструкциями и практическими поступками лежала пропасть. Особую ценность взглядам Аристотеля придает их практическая направленность. Это, пожалуй, первая из известных нам попыток подробно и всесторонне разобраться в проблеме.

Предшественники философа (в том числе Платон) полагали, что человек будет следовать добродетели, как только узнает, в чем она заключается. Аристотель же уверен, что этого недостаточно, и отрицает возможность исключительно умственного «обучения» нравственности. Чтобы стать мужественным, человек должен совершать мужественные поступки; чтобы стать справедливым — всегда поступать справедливо. Только постоянное упражнение, целенаправленное и сознательное усилие может развить соответствующее качество. Таким образом, поступки и вся деятельность Аристотеля, считавшего самого себя добродетельным человеком, должны были соответствовать разработанной им теории.

Как же определять правильные, моральные душевные состояния? Философ считает необходимым придерживаться принципа, часто называемого золотой серединой. Необходимо понимать меру и избегать крайностей: «Для этической

добродетели губительны и недостаток, и излишество» [2: с. 305]. Например, мужество — это не трусость и не безумная отвага, а нечто среднее. Щедрость — не скупость и не расточительность и т. д. «Как в страстях, так и в поступках пороки переступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же умеет находить середину и ее избирает» [4: с. 87]. Однако «середина» понимается не как некое среднеарифметическое, равноудаленное от крайностей. Очень часто мера оказывается ближе к какой-то одной крайности. Например, иногда добродетелью оказывается храбрость, близкая к безумной отваге, а иногда — осторожность, более близкая к трусости.

В своих сочинениях Аристотель называет целый ряд этических добродетелей: мужество, умеренность, щедрость, великодушие, честолюбие, правдивость, любезность, дружелюбие, справедливость и т. д. Но этот список не является исчерпывающим. Особо отметим, что принцип золотой середины философ считает универсальным и потому его можно с полным основанием распространять и на другие душевные качества, даже если в сочинениях Аристотеля о них не упомянуто.

Поскольку в данной статье мы исследуем некоторые этические аспекты отношений Аристотеля с Александром Македонским, нас интересует такое качество как верность. Исходя из воззрений Аристотеля, верность, как и любая другая добродетель, должна быть разумной. На нее следует распространить универсальный принцип «середины». Мудрость проявится в умении находить середину между двумя порочными крайностями: недостатком верности (предательством, вероломством) и ее избытком («слепая», «собачья» преданность, несмотря ни на что). Таким образом, мудрый и нравственный человек обязан сохранять верность, но при определенных условиях, в определенных пределах и в отношении определенных субъектов. Эти условия можно вывести из рассуждений Аристотеля о дружбе.

Термином «дружба» философ обозначает значительно более широкий круг отношений, чем это принято в настоящее время. По Аристотелю, существуют три вида дружбы, различающиеся по целям, которые субъекты пытаются достигнуть, и по основаниям, на которых они возникли:

- дружба ради самой себя;
- дружба ради пользы;
- дружба ради наслаждения.

При этом лишь первый вид является дружбой в строгом смысле слова, обладает совершенной формой. Она возможна только между достойными людьми, стремящимися не к выгоде, а к самой этой дружбе и благу друг друга. Второй и третий вид являются неполноценными, поскольку людей в них удерживают соображения той или иной выгоды. Поэтому, замечал Аристотель, на них способны даже дурные люди. Однако эти виды дружбы ненадежны; они легко распадаются, как только исчезает та выгода, ради которой и возникли данные отношения [2: с. 362–364].

Разумеется, первый вид дружбы не исключает, а даже предполагает наличие второго и третьего. Но основой в этом случае, утверждает философ, должен

служить именно он: «...где удовольствие и выгода, там нет добродетели; наоборот, где добродетель, там ей сопутствуют удовольствие и выгода» [2: с. 365].

Впрочем, и дружба первого вида, по Аристотелю, основана на личных интересах. Философ пытался рационально объяснить человеческие отношения, закладывая тем самым основы концепции, названной впоследствии «разумным эгоизмом». «...другом, — пишет он, — бывают в первую очередь самому себе и к себе самому в первую очередь следует питать дружескую приязнь» [4: с. 256]. Каждый человек пытается получить от дружбы то, что ему необходимо. Кто-то выгоду, кто-то удовольствие. Но именно добродетельного человека следует считать в высшей степени эгоистом, поскольку он согласен отдавать другу всё маловажное: почести, деньги и тому подобные блага. Себе же хочет оставить самое ценное: «Во всех делах, достойных похвалы, добропорядочный, как мы видим, уделяет себе большую долю нравственной красоты» [4: с. 259].

Важен еще один аспект этической концепции Аристотеля: вступившие в отношения субъекты могут быть не равны, и интересы (цели) в дружбе у них далеко не всегда одинаковы. Каждый ищет в ней свое. Одному важна забота, другому — общение или выгода. И пока потребности каждой стороны удовлетворяются, дружба продолжается. Поэтому Аристотель считает возможным говорить не только о дружбе между двумя людьми, но и о дружбе политической, которая позволяет создавать государство.

Объясняя эту мысль, Аристотель использует аналогию с семьей. Так, отношения между гражданами в политике он уподобляет тем, которые возникают между братьями, поскольку братья примерно равны между собой. Отношения между мужем и женой подобны существующим при аристократии. Монарх же относится к своим подданным, как отец к детям [4: с. 235–236]. В последнем случае особенно ярко проявляется неравенство субъектов: «...там, где в дружбе присутствует превосходство, справедливость требуется по соответствию, причем не количественному, но так, чтобы обладающий преимуществом давал меньшему больше, а получал от него меньше ... и относился бы к нему как начальник к подчиненному. < ... > В этом и состоит честь, каковая по природе принадлежит начальнику и богу перед тем, кто подчинен» [3: с. 273].

Критерием дружбы является, по Аристотелю, взаимное соблюдение интересов. В трёх «правильных» государственных устройствах это имеет место. Субъекты «дружат», то есть заботятся друг о друге. Такая основанная на пользе дружба, отмечал философ, «величайшее благо для государств», поскольку сами они представляют собою союзы людей, основанные ради пользы [5: с. 408]. В трех же «неправильных» государственных устройствах субъекты пренебрегают другими и думают лишь о себе.

В частности, граждане политики заботятся об общих интересах; монарх — о благополучии подданных, а те в свою очередь хранят ему верность. Напротив, тиран думает только о своей власти и богатстве: «...тиран имеет в виду свою собственную пользу, а царь — пользу подданных» [4: с. 234]. Таким образом, если граждане политики хотят друг от друга одного и того же, то

подданные от «дружбы» с царем получают одно (справедливость и благодеяния), а царь от них — другое (послушание и почести).

Что же хотели от своей дружбы Аристотель и Александр?

Вероятно, у Александра особой корысти в этих отношениях не было. Аристотель при всем своем влиянии не мог ни увеличить его богатств, ни оказать ему каких-либо серьезных услуг. Можно предположить, что у царя был расчет воспользоваться авторитетом философа для упрочения своей власти в Греции, но это вряд ли правильно. Во-первых, влияние Аристотеля на наиболее активных противников македонского владычества было незначительным: греческие патриоты считали его предателем эллинских интересов, традиционных свобод. Во-вторых, Александр мало интересовался делами в Греции, больше думая о создании всемирной державы. В-третьих, царь предпочитал не убеждать противников и колеблющихся, а навязывать им свою волю.

Александр уважал своего друга и бывшего воспитателя, ожидал от него моральной поддержки своим грандиозным замыслом, ценил его советы и полученные знания, благодаря чему он стал отличаться от обыкновенных смертных. «Александр сначала восхищался Аристотелем, — пишет Плутарх, — и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред» [б: с. 400]. Таким образом, по приведенной классификации, со стороны царя это была дружба по преимуществу «ради себя самой», то есть первого вида. Дружба двух достойных людей.

Со стороны же Аристотеля интересы в дружбе были значительно разнообразнее. Он любил жизненные блага и охотно принимал весьма щедрые подарки из военной добычи. Дружба с царем обеспечивала ему почет и безопасность в очень непростое время, возможность спокойно заниматься любимым делом. По приказу Александра ему доставляли всевозможные диковины, материалы для научных занятий. Аристотель неоднократно обращался к царю с просьбами, которые обычно удовлетворялись. Следовательно, второй и третий вид дружбы, ради пользы и наслаждения, в его отношениях с царем присутствовали. Несомненно, имел место и первый вид; по крайней мере, в начале царствования Александра: философ считал его единомышленником, усвоившим преподанные ему этические принципы, и стремящимся к добродетели.

По представлениям своего времени, которые не противоречат и современным, Аристотель был обязан Александру верностью троякого рода:

- как подданный, поскольку признавал его законным правителем всей Греции;
- как облагодетельствованный;
- как друг, поскольку был связан давними близкими отношениями с македонским царским домом и лично с Александром, пользовался его дружбой и доверием.

Содержание сочинений Аристотеля показывает, что он понимал и признавал эти обязательства верности. В то же время известно, что Аристотель

охладел к своему царю и бывшему ученику. Напряженность в отношениях между ними дошла до того, что ходили упорные слухи об участии философа в заговоре и даже в отравлении Александра (не получившие достаточного подтверждения, но показывающие степень отторжения). С чем связано это нарушение верности и как оно согласуется с этической теорией Аристотеля?

Большинство биографов и исследователей отмечает, что расхождение двух великих людей произошло по политическим мотивам.

Во-первых, Аристотеля беспокоило, что в его время большинство греческих полисов переживало тяжелый политический и социальный кризис, приведший к «извращенным» формам правления: демократиям и олигархиям. Самостоятельно справиться с этой проблемой они не смогут, и им (по убеждению философа) необходима помощь со стороны македонского царя, который установит в полисах «правильное» государственное устройство — политию [7: с. 327].

Во-вторых, по мнению А.И. Доватура, Аристотель надеялся, что на завоеванных Александром землях будут организованы греческие полисы с «правильным» устройством, в которых греки станут полноправными гражданами, а местные жители — обеспечивающими их благоденствие рабами, земледельцами и ремесленниками, не допущенными к управлению [7: с. 76–77].

Первое достаточно убедительно, так как промакедонская позиция Аристотеля была хорошо известна современникам. Объединение Греции философ считал необходимой, давно назревшей задачей. И, как трезвомыслящий политик, понимал, что без насилия ее не решить, хотя в меру своих сил и влияния пытался уменьшить негативные издержки. Поэтому до тех пор, пока Филипп, а затем и Александр исполняли эту необходимую задачу, Аристотель их поддерживал.

Второе менее очевидно, поскольку есть основания утверждать, что философ был противником иноземных походов Александра [8: с. 284]. Впрочем, это не исключает возможности, что Аристотель, поставленный перед фактом завоеваний, попытался как-то использовать ситуацию на пользу своим политическим идеям.

Александр не оправдал ни первой, ни второй политической надежды своего учителя. Устройство Греции он не занимался, увлекшись созданием всемирной империи. А «варваров», которых Аристотель (как и большинство его соотечественников) и людьми-то в полном смысле слова не считал, во всем приравнивал к грекам и македонцам. И то и другое в глазах философа, несомненно, свидетельствовало о пренебрежении царя интересами своего народа — что, по Аристотелю, является главным признаком тирана. Внедрение молодым царем персидских ритуалов почитания, тем более осуществление репрессий против товарищей и соотечественников, также указывали на тиранию.

В своих сочинениях Аристотель разбирает примеры тираний и причины их возникновения. Жизнь тиранов, пишет он, — «полная наслаждений, вызывает презрение к ним, что и представляет много удобных поводов для покушений» [5: с. 557]. В «Афинской политике» философ приводит старый афинский закон, действующий еще во времена Солона и Писистрата, считая его

излишне мягким: «...если кто восстанет, чтобы быть тираном, или будет содействовать установлению тирании, тот да будет лишен гражданской чести (то есть гражданских прав. — *Прим. наше*) и сам и его род» [1: с. 26]. В полном согласии с афинской традицией он считает борьбу с тиранией необходимым и достойным делом. В его сочинениях, разумеется, нет прямой критики действий Александра. Высказываемые в них взгляды и мысли предназначались для публичного оглашения (в том числе для обучения лицеистов). Пока был жив Александр, подобная критика была бы проявлением той самой «безумной отваги», которую философ считал пороком. Однако его неприятие политики Александра в поздний период несомненно. Каллисфен назван Аристотелем «неумным» [6: с. 435] не потому, что тот высказывался против царя, а лишь потому, что делал это открыто и демонстративно.

Следовало ли философу в этом случае разорвать дружбу с Александром? Важнейшему вопросу прекращения дружбы Аристотель уделил особое внимание. Раздумья о подобных ситуациях отражены в «Этиках». По теории Аристотеля, любая сторона вправе прекратить дружеские отношения второго и третьего вида, если перестает получать то, что ищет в них: «Друзьями-то были тем выгодам и удовольствиям, а когда они исчерпались, вполне разумно не питать дружбы» [4: с. 248].

Впрочем, то же относится и к отношениям первого вида. Поскольку, согласно теории Аристотеля, добродетельный человек (перефразируя К.С. Станиславского) любит не дружбу в себе, а себя в дружбе, свою добродетель, то ради этой добродетели он может отступить от дружбы — подобно тому, как дружащий ради выгоды отступает от нее, когда выгоды не станет. Например, если тот, к которому питают дружбу, оказывается испорченным или же изменяется в худшую сторону, то дружбу с ним следует прекратить: «Расторгая дружбу с неисцелимо порочным, человек не делает, видимо, ничего странного, ведь другом он был не такому, а прежнему, и вот, будучи не в состоянии спасти изменившегося друга, он от него отступает» [4: с. 249]. Безусловно, это относится и к дружбе Аристотеля с царем: нрав Александра сильно испортился с тех времен, когда тот был его воспитанником. Таким образом, выгода в дружбе с царем у Аристотеля все еще оставалась, а вот добродетели в ней уже не было. Согласно собственной концепции, философ мог оставаться «другом» Александру по выгоде, но уже не мог быть ему другом ради самой дружбы.

Сам Аристотель признает, что как нравственный человек он обязан выполнять свою часть «дружественной сделки». То есть за то, что ему надо от царя, «платить» тем, что царю надо от него. Либо должен отказаться от дружбы вообще. Философ, как известно, не сделал ни того, ни другого. В качестве его оправдания можно заметить, что лишь сам субъект вправе судить, получает ли он от дружбы желаемое или нет. Тогда проблема решается простым силлогизмом: если какой-либо субъект дружбы будет не удовлетворен получаемым, он ее прекратит. Ни Аристотель, ни Александр не прекращают дружбу. Следовательно, она обоих устраивает и претензий быть не может.

Формально все правильно, словно на рынке. Продавец и покупатель сошлись в цене, сделка состоялась. Однако Аристотель отказывается воспользоваться этой софистической лазейкой. Он замечает, что недопонимание возможно, когда дружбу второго и третьего видов принимают за первый: если «человек обманулся и предположил, что к нему питают дружбу за его нрав, в то время как другой ничего подобного не делает, пусть он винит самого себя; но всякий раз, когда он введен в заблуждение притворством другого, он вправе жаловаться на введшего в заблуждение, причем даже больше, чем на фальшивомонетчика, настолько, насколько ценнее предмет, на который обращено коварство» [4: с. 248]. Аристотель понимал, чего именно хочет царь от дружбы с ним: в первую очередь искренности и моральной поддержки среди всеобщих интриг и предательства, окружавших Александра с самого детства и усиливавшихся по мере его возвышения. Этого Аристотель ему дать не хотел и не мог.

Как должен был поступить нравственный человек в подобной ситуации? Перед ним три варианта:

1. Выбрать верность другу и правителю. То есть принять новую концепцию мировой империи, которую строил Александр, найти в ней позитивные элементы и поддержать царя — и в этом случае с чистой совестью принимать от него beneficia.

2. Выбрать верность своим взглядам. При этом даже не обязательно вступать в прямую конфронтацию. Можно было уйти в отставку по болезни или старости, стать частным независимым лицом. Это, образно выражаясь, «путь Диогена».

3. Оставаясь другом, пытаться исправить и вразумить царя.

Аристотель опробовал все три пути, но ни по одному не пошел до конца. Первый он отверг потому, что не хотел отказаться от роли защитника греческой уникальности и признать оправданными нововведения и репрессии. Второй — потому, что не нашел в себе сил или не считал нужным лишиться жизненных благ, к которым привык. Третий — потому, что убедился в его безнадежности и смертельной опасности.

Стратегия, избранная Аристотелем, была наиболее выигрышной. Она позволяла ему довольно продолжительное время пользоваться beneficiaми и доверием Александра, оказывать протекцию своим единомышленникам, в какой-то степени помогая и Греции в целом. Одновременно он мог в какой-то степени удовлетворять свои политические пристрастия, ведя завуалированную пропаганду, настраивая против царя учеников (выходцев из семей богатых и влиятельных), фактически призывая к его убийству как тирана.

Трудно осуждать философа за такую позицию. Он жил в сложное и опасное время, находился между противоборствующими сторонами и при этом пытался не только обеспечить собственное благополучие, но и отстаивать политические убеждения, помогать друзьям, заботиться о всем греческом мире. Нельзя требовать от человека большего. С практической точки зрения он действовал правильно. Однако образцом морали, в том числе аристотелевской, эти действия считать нельзя. «...станет или нет достойный человек

другом дурному? Для дружбы необходимы верность и надежность, а дурной совсем не таков» [2: с. 362]. Пусть Александр стал тираном, недостойным дружбы, но и сам Аристотель понимал, что оказался в положении такого ненадежного «дурного человека».

Философ попытался рационализировать этику, вывести ее из того, что человеку хочется. Но для этого никакая этика не нужна. Этика предписывает делать то, что должно, а не то, что выгодно или приятно. На практике желания Аристотеля оказались слишком разнообразны и несовместимы; произошел классический конфликт интересов. Указанный самим философом приоритет — строгое следование абстрактным добродетелям — в реальности оказался для него менее привлекательным, чем жизненные блага и политические идеалы. Однако избери Аристотель следование добродетели, его можно было бы упрекнуть в пренебрежении долгом перед близкими людьми и отечеством. Реальная жизнь всегда сложнее любых теоретических построений, однозначно правильного ответа зачастую просто не существует.

Литература

1. *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 256 с.
2. *Аристотель*. Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 295–374.
3. *Аристотель*. Евдемова этика. М., 2005. 448 с.
4. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
5. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
6. *Плутарх*. Александр // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 395–450.
7. *Доватур А.И.* Политика и Политии Аристотеля. Л.: Наука, 1965. 392 с.
8. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель (сер. «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.

Literatura

1. *Aristotel'.* Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan. M.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 256 s.
2. *Aristotel'.* Bol'shaya e'tika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 295–374.
3. *Aristotel'.* Evdemova e'tika. M., 2005. 448 s.
4. *Aristotel'.* Nikomaxova e'tika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 53–293.
5. *Aristotel'.* Politika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 375–644.
6. *Plutarx.* Aleksandr // *Plutarx.* Sravnitel'ny'e zhizneopisaniya: v 3 t. T. 2. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 395–450.
7. *Dovatur A.I.* Politika i Politii Aristotelya. L.: Nauka, 1965. 392 s.
8. *Losev A.F., Taxo-Godi A.A.* Platon. Aristotel' (ser. «ZhZL»). M.: Molodaya gvardiya, 2005. 392 s.

-*N.A. Moiseeva,*
A.G. Shipilov

**The Embodiment of the Aristotelian Concept of Friendship and Faithfulness
(on the Example of Relations with King Alexander the Great)**

The article analyzes Aristotle's ethical theory and political concept. On the example of his relationship with Alexander the Great the authors consider the problem of preservation of fidelity in friendship. The authors come to the conclusion that the theoretical reasoning of the philosopher came into conflict with his real political activity.

Keywords: ethics; friendship; fidelity; Aristotle; Alexander the Great.